

XXVI. „ЧТО ДЕЛАТЬ?“

В воскресный февральский день 1863 года бедно одетый чиновник переходил Литейную улицу у Маринской больницы. Он не заметил бы лежавшего на мостовой свертка, если бы не задел его ногою. Сначала чиновник обрадовался, но находка тотчас же и разочаровала его: в свертке оказалась довольно объемистая рукопись со странным заголовком «Что делать?»

Подождав, не вернется ли кто искать утерянную рукопись, он побрел домой, раздумывая, как поступить с нею дальше.

Случилось это 3 февраля, а через день в «Ведомостях Санкт-Петербургской полиции» появилось объявление:

«ПОТЕРЯ РУКОПИСИ. В воскресенье 3 февраля, во втором часу дня, проездом по Большой Конюшенной от гостиницы Демута до угольного дома Каппера, а оттуда через Невский проспект, Караванную и Семеновский мост до дома Краевского, на углу Литейной и Бассейной, обронен сверток, в котором находились две прошнурованные по углам рукописи с заглавием «*Что делать?*». Кто доставит этот сверток в означенный дом

Краевского, к Некрасову, тот получит пятьдесят рублей серебром».

В объявлении шла речь о рукописи первых глав ставшего вскоре знаменитым романа Чернышевского.

Его автор уже семь месяцев находился в предварительном заключении в Петропавловской крепости, где им и был написан этот роман.

Работа над ним была начата Чернышевским 1а пятом месяце пребывания в крепости — 14 декабря 1862 года. Он писал его в промежутках между допросами, объявлениями голодовок (как раз в день потери Некрасовым первых глав рукописи «Что делать?» доктор Петропавловской крепости доносил коменданту об объявлении Чернышевским очередной голодовки), составлением протестующих писем к коменданту крепости Сорокину, генерал-губернатору Петербурга Суворову и т. п.

26 января 1863 года начало рукописи «Что делать?» было переслано из крепости обер-полицеймейстеру для передачи двоюродному брату Чернышевского Пыпину с правом напечатать ее «с соблюдением установленных для цензуры правил».

От Пыпина рукопись поступила к Некрасову, который, не дожидаясь окончания романа, решил печатать его в «Современнике».

Он сам повез рукопись в типографию Вульфа, находившуюся недалеко от его квартиры — на Литейной, около Невского, но неожиданно быстро возвратился с дороги домой.

— Со мной случилось большое несчастье, — сказал Некрасов жене взволнованным голосом: — я обронил рукопись!.. И черт понес меня сегодня выехать на дрожжак, а не в карете! И сколько раз прежде я на «ваньках» возил массу рукописей в разные типогра-

фи и никогда листочка не терял, а тут близехонько, и не мог довести толстую рукопись!

Прошло четыре дня. Трижды появлялось в «Ведомостях Санкт-Петербургской полиции» объявление о потере рукописи, но никто не откликнулся.

— Значит, погибла она, — говорил Некрасов в отчаянии и упрекал себя, зачем он не напечатал объявления во всех газетах и не назначил еще большего вознаграждения.

И только на пятый день Некрасов, обедавший в Английском клубе, получил из дому короткую записку: «Рукопись принесли...»

Еще месяца за два до начала работы над романом «Что делать?» Чернышевский в письме к Ольге Сократовне сообщал, что задумал составить «Энциклопедию знания и жизни», доступную не одним только ученым, но самым широким слоям читателей. «Потом я ту же книгу переработаю в самом легком, популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так, чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романов».

«Что делать?» и было первым звеном в осуществлении этого плана. Речь шла не о каком-нибудь академическом трактате, а об энциклопедии борьбы за социальное переустройство общества, за счастливое будущее родины и своего народа. Но говорить об этом прямо и открыто в письме из крепости было, разумеется, невозможно.

«Чепуха в голове у людей, — писал он дальше, — потому они и бедны, и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить».

О возврате к публицистике и критике теперь не могло быть и речи. Но не так легко было сломить волю

Чернышевского. И в крепости, и впоследствии в Сибири, и по возвращении из вилюйской ссылки он продолжал неутомимо работать.

Ожидая решения следственной комиссии, он усиленно занялся переводами различных исторических сочинений, стал писать роман «Что делать?», повести и рассказы. Здесь, в крепости, кроме романа «Что делать?», им были написаны «Алферьев», «Повести в повести», «Автобиографические отрывки» и «Мелкие рассказы».

Вот при каких обстоятельствах пришлось великому ученому и революционеру избрать беллетристику оружием для решения политических вопросов и задач.

Его роман был тенденциозен, публицистичен; таким и должно было быть произведение, написанное революционером и бойцом.

Находясь под следствием, Чернышевский в одном из показаний хитроумно писал членам следственной комиссии: «Я издавна готовился быть, между прочим, и писателем беллетристическим. Но я имею убеждение, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже в немолодых годах, — рано им не получить успеха. Если бы не денежная необходимость, возникшая от прекращения моей публицистической деятельности моим арестованием, я не начал бы печатать романа и в 35-летнем возрасте. Руссо ждал до старости. Годвин также. Роман — вещь, назначенная для массы публики, дело самое серьезное, самое стариковское из литературных занятий. Легкость формы должна выкупаться солидностью мысли, которые внушаются массе. Итак, я готовил себе материалы для стариковского периода моей жизни». (Чернышевский таким образом старался отвлечь внимание комиссии от опасных высказываний, обнаруженных в его

юношеских дневниках, желая выдать их за наброски будущих романов.)

Мы вправе улыбнуться над этим подцензурным признанием, проникнутым тайной иронией. Чернышевский не приступал к беллетристике, конечно, не потому, что «люди его характера должны заниматься беллетристикой уже в немолодых годах». Не эти соображения отдаляли Чернышевского от занятий беллетристикой. Предшественник научного социализма в России на первом плане ставил проповедь социалистических идей, популяризацию и пропаганду материализма, призыв к революционным действиям. И не денежная необходимость заставила узника Алексеевского равелина взяться за роман. Страстный революционер, в любых условиях ни на минуту не покладавший рук, избрал беллетристику последним орудием, позволявшим ему в замаскированной форме выражать свое политическое мировоззрение.

«Что делать?» служит именно этой цели автора. Недаром открытая тенденциозность романа, его просветительская направленность вызвали у современников враждебного лагеря бешеный отпор, у эстетов, ратовавших за «аполитичность» искусства, гримасу деланого презрения, ибо и те и другие увидали в романе контуры стройной системы, направленной на разрушение традиционных твердынь буржуазной морали.

Но то, что обнаружилось при внимательном рассмотрении, ускользнуло в первую минуту от взгляда полицейской комиссии, занятой поисками немедленных и грозных улик против Чернышевского и потому рассеянно взиравшей на это «стариковское занятие» беллетристикой.

Чернышевский, правда, постарался и сам усыпить внимание начальства. Обращаясь за разрешением ку-

пить и переводить XVI том «Истории» Шлоссера, он доводил до сведения комиссии, что «начал писать беллетристический рассказ, содержание которого, конечно, совершенно невинно, взято из семейной жизни и не имеет никакого отношения ни к каким политическим вопросам».

Трудно сказать, продиктованы ли эти строки осторожностью или желанием поиздеваться над недогадливостью врагов. Во всяком случае мы знаем, что начало романа, просмотренное членом комиссии Каменским, было получено А. Н. Пыпиным.

Предполагают далее, что цензор «Современника», видя на рукописи печать и шнуры следственной комиссии князя Голицына, не решился наложить вето на роман, уже миновавший благополучно столь высокую и «компетентную» инстанцию.

Счастливая ли случайность в виде этой ведомственной путаницы, вызванной продвижением романа сверху вниз по цензурной лестнице, или действительная недальновидность цензора «Современника» была причиной разрешения романа к печати — сказать с уверенностью нельзя. Но важно подчеркнуть здесь, что Чернышевский очень остроумно попытался выдать свой политический роман за чисто «семейное чтение» и — кто знает? — может быть, в какой-то мере способствовал этим спасению романа для «Современника».

Ведь схватилось же правительство за голову, когда роман уже закончился печатанием в журнале, и подчеркнуло запоздалым запретом «Что делать?» оплошность следственной комиссии и журнальной цензуры, уволив вдобавок нерадивого цензора Бекетова. Заметим, кстати, что подобные случаи бывали со статьями Чернышевского до ареста. Одна из его крупнейших

теоретических работ по изучению классовой борьбы в Западной Европе — «Июльская монархия» (1860 г.), сделанная с расчетом усилить бдительность цензуры спокойствием тона и «объективностью» изложения, с успехом миновала цензурный лабиринт и лишь после появления в «Современнике» вызвала запоздалые порицания «прозревших» наблюдателей за умами.

Роман, начатый 14 декабря 1862 года, по частям пересылался через следственную комиссию в редакцию журнала «Современник», где и был напечатан в третьей, четвертой и пятой книгах.

Современная Чернышевскому критика упорно сопоставляла «Что делать?» с романом Тургенева «Отцы и дети», указывая на полемическую направленность романа Чернышевского против «Отцов и детей». Прямой отпор тургеневскому изображению «нигилизма» не был главной целью романа «Что делать?», но многое в нем, несомненно, давало повод к противопоставлению этих произведений. В романе Чернышевский хотел показать настоящее лицо *новых людей*, с их особой моралью, с их стремлениями и надеждами, со всей сложностью их внутреннего мира; изобразить их схватку с «допотопными» людьми, с отживающим крепостническим обществом не как борьбу отцов и детей, а как столкновение социальных сил.

Таких героев, как Лопухов, Кирсанов, Вера и тем более Рахметов, русская литература до романа Чернышевского не знала вовсе. Необычны были их мысли, поступки, желания, отношения между собой и отношения к жизни, к окружающим. Они не напоминают ни Рудиных, ни Олениных, ни Базаровых. Они внутренние цельны, они люди не только убеждения, но и дела, не только теории, но и практики, материалистической теории и революционной практики. «Недавно зародился

у нас этот тип, — говорит автор. — Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то-есть не могли иметь *главной черты этого типа, не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности...* Недавно родился этот тип и быстро расплодится. Он рожден временем, он знаменье времени...»

Это была реальная, растущая сила, которая несла с собой освободительные идеи шестидесятых годов.

Сам Чернышевский называет много раз своих героев «хитрецами» за то, что они толкуют о своей полной приверженности «теории эгоизма». Однако за таким наименованием «хитрой теории» кроется совсем иная ее сущность.

Вся «хитрость» новых людей, так страстно приверженных своей «мудреной» теории, заключалась в том, что они в этом случае как бы играли словами: «эгоизм» их — это псевдоним горячей любви к угнетенному народу.

С термином «эгоизм» у каждого человека, естественно, связано представление о себялюбии, об извлечении из всего личных выгод, о равнодушии личности к окружающим. Чернышевский же своей теорией *разумного* эгоизма стремился показать, что только на путях неразрывного слияния общественных интересов с личными мыслимо подлинное счастье отдельного человека.

Это была теория революционной морали «новых людей», осознавших свою глубокую органическую спаянность с коллективом.

Мое благо, говорят герои «Что делать?», — благо всех. Мое счастье — счастье большинства. Моя выгода — выгода общая. Для них это были не книжные фразы, не туманные стремления, не отвлеченные рассуждения о высоких материях, а основное жизненное убеждение. Эгих людей, видевших цель и смысл жизни в труде, объединяло стремление сделать всех людей труда свободными, счастливыми и радостными, объединяла ненависть к миру праздно́й роскоши, к миру эксплуатации, деспотизма и невежества.

Эта теория помогала Чернышевскому дать материалистическое объяснение поведению и поступкам своих героев. Правда, это объяснение еще не чуждо домарковского представления о неизменной человеческой природе, в силу которой интересы отдельной личности совпадают с интересами всего общества, но практически оно давало основы активной, разумной революционной морали.

Содержание романа, взятое из «семейной жизни», на первый взгляд очень несложно. Если судить по сюжетной канве «Что делать?», то можно подумать, что в центре произведения стоит «женский вопрос». Внешне — в заголовках частей, в некоторых особенностях сюжетного построения — главы «Что делать?», особенно начальные, близки к обычному в то время типу занимательного романа. Нарочито эффектна манера вступительной части, тут же, впрочем, «разоблачаемая» самим автором. Приманчивы подзаголовки («Первая любовь и законный брак», «Замужество и вторая любовь»). Будто и впрямь это чисто семейный роман с авантурным сюжетом, предназначенный для читателей, не весьма требовательных по части серьезности содержания. Но в действительности «женский вопрос» служил только средством выражения более

сложных идей. Он дал возможность автору наглядно показать, что степень свободы женщины есть естественное мерило общей свободы. Это было одним из заветнейших и давних убеждений Чернышевского.

Еще в юношеские годы он ясно видел, что освобождение женщины связано с коренным переустройством всего общественного порядка. Права женщины уже в то время входили неотделимой частью в программу переустройства общества, намечавшуюся в дневниках молодого Чернышевского.

Он зачитывался тогда романами «адвоката женщин» — Жорж Санд. «...Да, сильный, великий увлекательный, поражающий душу писатель эта Жорж Санд: все ее сочинения должно перечитать», — писал юноша Чернышевский в дневнике 1849 года.

Зрелый Чернышевский критически трезво оценивал творчество Санд. Ему были родственны протест против бездушного и пошлого отношения к женщинам в условиях буржуазного общества, жажда равноправия для них в семейной и общественной жизни, содержащиеся в романах французской писательницы; но вместе с тем ее идейные и художественные промахи были ему совершенно ясны. В своих статьях он говорит об излишней мечтательности ее героинь и героев, об идеализации некоторых персонажей и событий в ее романах.

Жорж Санд не видела настоящих путей к разрешению женской проблемы, тогда как Чернышевский пронизательно и смело связывает эту проблему с общесоциальной. «Как это странно, — думает Верочка, — ведь я сама все это передумала, почувствовала, что он (Лопухов. — Н. Б.) говорит и о бедных, и о женщинах, и о том, как надобно любить, — откуда я это взяла? Или это было в книгах, которые я читала? —

Нет, там не то: там всё это или с сомнениями, или с такими оговорками, и всё это как будто что-то необыкновенное, невероятное...»

И Вера, вспоминая дальше о книгах Санд и Диккенса, опять повторяет, что у них *только мечты* о социальном рае, только добрые желанья, которым, может быть, и не суждено сбыться. «Как же они не знают, что без этого нельзя, что это в самом деле надобно так сделать и что это *непрерменно сделается*, чтобы во все никто не был ни беден, ни несчастен».

Через весь роман Чернышевского проходит мотив твердой веры, непоколебимого убеждения, что «это непременно так будет, что этого *не может не быть*».

Оптимизм, которым проникнут роман, опирается не только на веру в грядущее торжество революции, — герои «Что делать?» радостно сознают себя непосредственными участниками подготовки этой будущей победы. Да, но и теперь хорошо, говорят они, потому что готовится «это хорошее; по крайней мере, тем и теперь счень хорошо, кто готовит его!»

В «Четвертом сне Веры Павловны» писатель подводит нас к неизбежному историческому разрешению изображенного в романе общественного конфликта. Здесь Чернышевский показал свою изумительную способность идти от отдельных явлений к обобщениям высшего порядка, от действительности — к предвидениям. Это историко-философское отступление, вылившееся в своеобразную форму причудливого сна, поэтически иллюстрировало основные концепции утопического социализма и бросало свет на все разветвления темы романа.

Показав в смене символических образов Астарты, Афродиты, Мадонны историю развития человеческого общества в последовательной смене культур — перво-

бытной, античной, феодальной, иносказательно обозначив эпоху Французской буржуазной революции как рубеж, с которого начинается иная полоса истории, писатель в заключение приоткрывает завесу и над будущим, давая обобщенную картину радостной жизни трудового народа, освобожденного от всякого гнета и эксплуатации.

Роман Чернышевского должен был ответить на самый острый, самый важный вопрос, волновавший тогда передовую интеллигенцию, — на вопрос *что делать* для того, чтобы освободить страну от самодержавно-крепостнического деспотизма.

Могучей фигурой «особенного человека», Рахметова, Чернышевский дал ответ на этот вопрос. Он первый в русской литературе создал образ революционера — теоретика и практика, готового к любой схватке, к любым испытаниям в борьбе.

Биография его необычайна. Рахметов — аристократ, но он порвал со своей средой, он работал плотником, перевозчиком, бурлаком, чтобы заслужить «уважение и любовь простых людей». Он употребил все свои средства на революционное дело Преданный одной идее, одному стремлению, он мог казаться экзальтированным, неправдоподобным. Аскет, ведущий спартанский образ жизни, натура, способная на любые жертвы для торжества своих убеждений, Рахметов возвышается над «обыкновенными людьми нового поколения», подобными Лопухову, Кирсанову, Вере. И Чернышевский делает оговорку, что таких людей, как Рахметов, еще немного: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

И еще одну оговорку сделал Чернышевский в главе «Особенный человек»: «Я знаю о Рахметове больше, чем говорю». Понятны причины подобной сдержанности. Рассказывать прямо и открыто о конспиративной работе главы революционного кружка писатель не мог. Поэтому образ Рахметова несколько таинственен и смутен, поведение его порою загадочно, но читатели, конечно, угадывали истинную подоплеку его странных исчезновений, особых знакомств и т. п.

«Чернышевский присутствовал при рождении у нас нового типа «новых людей». Этот тип выведен им в лице Рахметова, — писал Плеханов. — Наш автор радостно приветствовал появление этого нового типа и не мог отказать себе в удовольствии нарисовать хотя бы неясный его профиль. В то же время он с грустью предвидел, как много мук и страданий придется пережить русскому революционеру, жизнь которого должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелого самоотвержения...»

И Плеханов подчеркивает обобщающее значение образа Рахметова, говоря, что «почти в каждом из выдающихся наших социалистов 60-х и 70-х годов была немалая доля рахметовщины».

Большое значение для понимания революционного смысла романа имеет его заключительная сцена — бурно-веселый пикник компании молодежи и двух дружных семейств, сцена, в которой неожиданно появляется «дама в трауре». Эта глава, как и шестая, последняя глава «Что делать?», называемая «Перемена декораций», написаны Чернышевским с большой осторожностью и лаконизмом. Они как будто бы совершенно обособлены и не имеют никакой видимой связи с сюжетом романа.

Из объяснительной записки Чернышевского к Пы-

пину и Некрасову видно, что это начало неосуществленной *второй* книги «Что делать?», которую Чернышевский намеревался писать вслед за первой.

«Вторую часть я начну писать нескоро, — сообщал он в этой записке, — в ней новые лица на градус или на два повыше, чем в первом; потому надобно дать пройти несколько времени, чтобы Вера Павловна с компаниею несколько сгладилась в памяти, чтобы новые лица не сбивались на старые, — например, «дама в трауре» на Веру Павловну... Общий план второй части таков: «дама в трауре» — та самая вдова, которая была спасена Рахметовым в третьей главе. Она, видите ли, убивается из-за любви к нему. И сей герой взаимно. Кирсановы и Бьюмонты, открыв такую нежную страсть, лезут из кожи вон помочь делу. И отыскивают одного Рахметова, уже прозябающего в Северной Пальмире. С разными взаимными отыскиваниями обоих сих любящихся свадьба устраивается. Из этого видно, что действие второй части совершенно отдельно от первой и что первой части только искусственно придан вид недоконченности прибавкою пикника ..

Общая идея второй части показать связь обыкновенной жизни с чертами, когорые ослепляют эффектом неопытный взгляд. ..»

Если мы проанализируем план, набросанный в записке, то увидим, что Чернышевский во второй части «Что делать?» хотел изобразить последующий этап развития революционного движения, когда Рахметов перестанет быть «особенным человеком», ибо рядом с ним будет уже много подобных ему. В этом плане Чернышевский указывает, что настанет время, когда и Рахметов и «дама в трауре», явившиеся в первой части «Что делать?» титаническими существами, окажутся людьми «мирного свойства».

Так Чернышевский скрытно намекал на то, что намеревается изобразить во второй книге революционный переворот.

Таким же иносказанием являются страницы, изображающие пикник; они перекликаются с юношеским дневником Чернышевского, где он записал разговор со своей невестой, Ольгой Сократовной, о том, что, давая согласие на брак, она избирает трудную участь, ибо он не знает, долго ли будет пользоваться жизнью и свободой. «У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени...»

Сопоставление этой записки с концовкой «Что делать?» ясно указывает на революционный смысл, который вложен в песни, тосты, в разговоры участников пикника.

Строки дневника проливают свет на песню о браконьере, исполняемую «дамой в трауре»:

«Ты хочешь, дева, быть моей,
Забуть свой род и сан,
Но прежде отгадать сумей,
Какой мне жребий дан ..
О дева, друг недобрый я;
Глухих лесов жилец,
Опасна будет жизнь моя,
Печален мой конец .

— Это неправда, дети, — обращается «дама в трауре» к молодежи, — не будет печален, но тогда я думала и он думал; но все-таки я отвечаю свое:

Красив Брингала брег крутой
И зелен лес кругом,
Мне с другом там приют дневной
Милей, чем отчий дом.

— В самом деле, так было. Значит, мне и нельзя жалеть: мне было сказано, на что я иду. Так можно жениться и любить, дети: без обмана; и умеете выбирать».

«Перемена декораций» и должна была показать, что конец действительно не будет печален. В этой главе «дама в трауре» — в ярком, розовом платье, на ней белая мантилья, в руках букет. Рядом с нею ее освобожденный друг Рахметов, «прозябавший в Северной Пальмире», то-есть, вероятно, в Петропавловской крепости в Петербурге.

Сопоставляя некоторые детали замысла второй книги «Что делать?» с «Переменной декораций», можно с уверенностью предположить, что освобождение Рахметова осуществлено было его ближайшими друзьями — Лопуховым и Кирсановым. Перемена декораций, по затаенному замыслу автора, должна была означать революционный переворот, в который так непоколебимо верили Рахметов и сам автор романа «Что делать?».

В этом случае становятся понятны и те изменения, какие должны были, по плану второй книги романа, произойти с Рахметовым. Герои, подобные Рахметову, могли бы стать людьми «мирного свойства» лишь при том условии, что дело, которому они посвятили всю свою жизнь, завершилось успехом.

В романе Чернышевского действительность, наблюдения, вынесенные из окружающей жизни, тесно переплетаются с предвидениями и смелым полетом мысли в будущее. «Оно светло, — писал он, — оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее сколько можете перенести: настолько будет свет-

ла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы сумеете перенести в нее из будущего...»

Чернышевский понимал, что лично ему не дано увидеть день и час полного торжества своих убеждений, но глубокая вера в неизбежность этого торжества воодушевляла его на трудные подвиги.

Роман Чернышевского был чуждым словом в русской художественной литературе и по содержанию и по форме. В «Четвертом сне Веры Павловны» Чернышевский предсказывает будущую радостную жизнь освобожденного трудового народа

Чернышевский хотел написать свой роман, в котором ставились глубочайшие философские и политические вопросы, так, чтобы его «читали все, кто не читает ничего, кроме романов».

Он свободно и смело прерывает течение сюжета отступлениями, беседами с читателем. Автор выступает в романе как действующее лицо, резко полемизируя на протяжении многих страниц с «проницательным читателем» — лицом собирательным, в уста которого вложены обычные для либералов и реакционеров того времени рассуждения

Этот прием позволяет Чернышевскому показать пропасть, отделявшую передовых людей шестидесятых годов от либеральных болтунов, разоблачить и высмеять их с поразительным сарказмом.

Как в общем построении романа, так и в обрисовке отдельных действующих лиц писатель творчески переплетал действительность с художественным вымыслом.

В образах Веры, Лопухова, Кирсанова, Рахметова воплощены черты современных Чернышевскому передовых людей, вступивших на путь борьбы с «допотоп-

ным» обществом, смело идущих наперекор устоям и лживой морали этого общества.

Главное отличие Рахметова от других героев романа в том, что он не рядовой «новый человек», а организатор революционной борьбы за счастье народа, отрешившийся от личной жизни, всецело погруженный в опасную конспиративную работу по подготовке народного восстания.

Существует ряд предположений о прототипе Рахметова. Обычно принято считать, что в лице его выведен тот самый саратовский помещик Бахметев, который приходил к Чернышевскому на квартиру перед своим отъездом из России в Лондон.

Позднее среди революционной молодежи семидесятых годов распространено было, по свидетельству В. Г. Короленко, мнение, что прототипом для Рахметова послужил П. Д. Баллод, арестованный в 1862 году по делу печатания антиправительственных прокламаций и приговоренный к ссылке на каторгу.

Но правильнее будет сказать, что образ Рахметова является глубоким обобщением. В нем нашли место и детали биографии Бахметева и черты близко стоявших к Чернышевскому деятелей освободительного движения тех лет — Н. А. Добролюбова, Сигизмунда Серраковского. В нем отразились и некоторые автобиографические мотивы. Достаточно вспомнить, что Чернышевский остался непоколебимо тверд и верен своим убеждениям. Показывая на примере Рахметова необходимость для революционера величия и стойкости души, он сам в высокой мере проявил это величие и стойкость.

В образе Веры Павловны запечатлены многие черты характера жены Чернышевского, Ольги Сократовны, хотя основным прототипом Веры Павловны была,

до общим свидетельствам, Марья Александровна Бокова-Сеченова, родная сестра В. Обручева, о котором говорилось выше.

Главная сюжетная линия романа («Первая любовь и законный брак», «Замужество и вторая любовь», то есть история Лопухова-Кирсанова — Веры) частично воссоздавала подлинную историю, суть которой сводится к следующему

Доктор П. И. Боков, один из близких друзей Чернышевского, в годы студенчества готовил к экзамену Марью Александровну Обручеву. Под влиянием социалистических идей, почерпнутых ею в статьях Чернышевского в «Современнике», Марья Александровна стремилась к независимости, знаниям, к освобождению из-под тяжелой опеки семьи. Выходец из крестьян, Боков, примыкавший к революционным кружкам шестидесятых годов, предложил, подобно Лопухову, своей ученице фиктивный брак. В 1861 году Марья Александровна слушала лекции начинавшего свою ученую карьеру знаменитого физиолога И. М. Сеченова. Последний познакомился с Боковыми и дружески сблизился с ними. Между Боковой и Сеченовым дружба перешла в любовь, и П. И. Боков устранился, сохранив дружбу с обоими.

В черновом варианте XVII части V главы Чернышевский и сам указывает, что все «существенное в его рассказе — факты, пережитые его добрыми знакомыми».

Ко времени ареста Чернышевского и работы над романом история эта далеко не была завершена. Чернышевский знал лишь самую завязку ее. Жизненный путь Марьи Александровны только начинался. Она принадлежала к немногим еще тогда женщинам, которые твердо верили, подобно героине романа Черны-

шевского, что они должны искать независимости и равенства и что достигнуть этого они могут лишь упорным трудом на пользу общества.

«Женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство насилия отнимало у ней и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию... Нам формально закрыты почти все пути гражданской жизни, — размышляла Вера. — Нам практически закрыты очень многие — почти все, — даже из тех путей общественной деятельности, которые не загорожены для нас формальными препятствиями. Из всех сфер жизни нам оставлено тесниться только в одной сфере семейной жизни — быть членами семьи, и только... Нет, пока женщины не будут стараться о том, чтобы разойтись на много дорог, женщины не будут иметь самостоятельности..»

Чернышевский говорит о своей героине, что она была одной из первых женщин в России, посвятивших себя медицине. Именно так и сложилась судьба М. А. Боковой-Сеченовой, которая, преодолев немало трудностей, получила диплом врача и позднее, в 1871 году, защитила диссертацию. Ей пришлось для этого выехать за границу, так как царское правительство всячески препятствовало стремлению женщин к высшему образованию.

Замечательно, что участница революционного движения шестидесятых годов, чья судьба нашла отражение в романе Чернышевского, стала свидетельницей Великой Октябрьской социалистической революции, одним из завоеваний которой было полное и подлинное освобождение женщин нашей страны.

М. А. Бокова-Сеченова скончалась в феврале 1929 года — девяноста лет отроду.

Еще до появления романа в печати слухи о нем проникли в общество. Его с нетерпением ждали как сторонники, так и недруги Чернышевского. По свидетельству одного из современников, в некоторых литературных «салонах» предвкушали падение «идола молодежи с его высокого пьедестала». «Но, увы, — продолжает мемуарист, — действительность не оправдала этих ехидных мечтаний».

Трудно представить всю силу впечатления, которое произвел на читателей шестидесятых годов роман «Что делать?». Едва ли какое-либо другое произведение русской литературы было встречено с таким же нетерпеливым интересом. Даже враждебные Чернышевскому критики должны были признать, что его роман написан с таким воодушевлением, что к нему нельзя отнести холодно и объективно.

«Когда осенью 1863 года, — пишет в своих воспоминаниях Е. Н. Водовозова, — из деревень и с дач все снова съехались в свои насиженные петербургские гнезда, необыкновенное оживление в интеллигентских кружках сразу дало себя почувствовать. Кого только не приходилось посещать в это время, всюду шли толки о романе «Что делать?»».

Дело не ограничилось одними толками. Мало того, что романом зачитывались, что он резко влиял на убеждения и взгляды современников, — он начал оказывать непосредственное практическое воздействие на поведение революционно настроенных «шестидесятников», стремившихся воплотить в жизнь принципы, выдвинутые в романе.

Ситуации романа, за которыми крылись большие социальные идеи (освободительная и преобразующая роль труда, служение своему народу, равенство женщин и проч.), и особенно образ твердого и стойкого

революционера Рахметова определили великую роль, которую сыграл роман в русской жизни.

Под знаком «Что делать?» развивалось не только женское движение тех лет. Образ Рахметова властно стоял перед глазами революционных деятелей шестидесятих годов и последующих десятилетий, заставляя следовать его примеру в личной жизни и в борьбе за переустройство общества.

«Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? — спрашивал Плеханов. — Кто не увлекался им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее,

И доверенность великую
К бескорыстному труду...

...Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?»!..»

Роман не мог первоначально получить должной оценки в печати. Полная свобода оставалась только за отрицательной критикой. Положение единомышленников Чернышевского было в высшей степени затруднительным. Обсудить свободно это произведение, раскрыть его настоящее содержание, показать цели автора было, разумеется, невозможно. Поэтому среди многочисленных отзывов о романе, появившихся непо-

средственно после напечатания его, немногие заслуживают внимания. Критики враждебного лагеря прежде всего поспешили прибегнуть к излюбленному приему продажной журналистики — к клевете. Они выдвинули против Чернышевского обвинение в безнравственном направлении романа. И позднее реакционная критика лицемерно трактовала в том же духе замысел Чернышевского.

Немногие сочувственные отзывы о романе были осторожны, очень коротки и робки. Даже в журнале «Современник» только косвенно защищали «Что делать?», называя его романом будущего.

Первые отзывы Герцена в письмах к друзьям и знакомым были противоречивы, но в статье «Порядок торжествует» (1866 г.) он отдал должное и роману и автору. Герцен подчеркнул важное общественное значение темы романа и отметил, что в нем «много хорошего».

Первой по времени попыткой дать развернутую серьезную оценку «Что делать?» была статья Писарева «Мысли о русских романах», написанная им в 1863 году в той же Петропавловской крепости. Она была напечатана в журнале «Русское слово» в 1865 году под названием «Новый тип», а при переиздании Писарев назвал ее «Мыслящий пролетариат».

В этой подцензурной статье, которая дышала открытым и горячим сочувствием, Писарев глубже других тогдашних критиков вскрыл сущность романа Чернышевского и даже сумел указать, насколько позволяли ему обстоятельства, значение фигуры Рахметова.

Популярность «Что делать?» росла и ширилась, хотя царское правительство сделало все возможное, чтобы приглушить голос Чернышевского. После опубликования в журнале «Современник» в 1863 году роман

был запрещен царской цензурой, и его удалось переиздать лишь в 1905 году.

Номера «Современника» с текстом «Что делать?» переходили из поколения в поколение; роман переписывался от руки. Передовая студенческая молодежь собиралась для чтения «Что делать?» вслух и для обсуждения вопросов, поставленных Чернышевским. Роман был переведен на многие иностранные языки, хотя буржуазная пресса Западной Европы и Америки старалась обходить молчанием факты появления этих изданий.

Мы не знаем точно, читал ли роман «Что делать?» Карл Маркс, называвший Чернышевского «великим русским ученым и критиком» и высоко оценивавший его экономические труды. Но в одном из писем 1878 года Маркс обращается к адресату со словами: «*Что делать?* (que faire?) — как говорят русские...»¹

Не является ли эта фраза косвенным доказательством знакомства Маркса с романом «Что делать?», который за три года до этого вышел во французском переводе?

Нелегальное заграничное издание романа находилось в юношеской библиотеке Владимира Ильича Ленина. По свидетельству внучки писателя — Н. М. Чернышевской, Надежда Константиновна Крупская сообщила ей в 1938 году, что Владимиром Ильичем были написаны примечания к этому роману, которые, к сожалению, затерялись во время их переездов за границу перед империалистической войной.

В. И. Ленин, пишет в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, «знал до мельчайших подробностей «Что делать?»».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 8,

Роман Чернышевского не только исторический документ, неразрывно связанный с отошедшей эпохой, но и глубоко действенное произведение. В. И. Ленин указывал на непреходящее значение Чернышевского для русской и мировой литературы, когда писал в своей работе «Что делать?»: «...пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский... Пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»¹

О громадном воспитательном воздействии романа на читателей других стран красноречиво свидетельствуют слова Георгия Михайловича Димитрова в его предисловии к «Что делать?» в 1935 году «Роман «Что делать?», — писал товарищ Димитров, — еще тридцать пять лет тому назад оказал на меня лично, как молодого рабочего, делавшего тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние. И должен сказать — ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое так сильно повлияло бы на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского. На протяжении месяцев я буквально жил с героями Чернышевского. Моим любимцем был, в особенности, Рахметов. Я ставил себе целью быть твердым, выдержанным, неустрашимым, самоотверженным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса — одним словом, быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского. И для меня нет никакого сомнения, что именно это благотворное влияние в моей юности

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 342.

очень много помогло моему воспитанию как пролетарского революционера...»

Это признание Г. М. Димитрова свидетельствует о том всемирном значении, которое приобрел роман «Что делать?», о том, насколько тесно связано это замечательное произведение с жизнью.

Уже в первой своей работе по теории искусства, в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», Чернышевский утверждал, что писатель должен быть учителем общества, а его книги — «учебником жизни». Роман «Что делать?» и был таким учебником жизни для многих поколений. В его героях мы видим людей, беззаветно преданных идеям свободы, готовых отдать все силы делу борьбы за светлое будущее своего народа. Этим прежде всего близок роман Чернышевского советскому читателю и нашей молодежи.

